

УДК 261.7

DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-53-58

ЛУРЬЕ Зинаида Андреевна

Институт истории
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
z.lurie@spbu.ru

Zinaida A. LURIE

Institute of History
St. Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
z.lurie@spbu.ru

**ТЕАТР КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ИНСТРУМЕНТ В ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ
ПЕДАГОГИКЕ XV–XVI вв.**

**THEATER AS AN EDUCATIONAL TOOL IN
THE HUMANISTIC PEDAGOGY OF THE XV-
XVI CENTURIES**

В статье рассматривается концепция театра и драматургии немецких гуманистов XV–XVI вв. Автор обозначает основные этапы развития гуманистической литературы и выделяет несколько ключевых аргументов в защиту необходимости изучения драматургии, а также декламационных и сценических практик, обозначенных у христианских гуманистов. В основном они были связаны с педагогической методологией и нравственной дидактикой. В общих чертах филологический и педагогический аргументы прикладного характера, рассматривающие театр и драму как эффективные инструменты обучения, нашли отражение в трудах Эразма Роттердамского и других значимых гуманистов, а позднее стали общим местом в уставах протестантских школ. Однако важнейшим представляется дидактическая концепция театра как инструмента проповеди. В центре внимания автора – комментарии Филиппа Меланхтона, реформатора и гуманиста, о классическом театре, в которых он последовательно развил идею интерпретации драматических текстов через призму христианской этики и догматики. Особенно ценными являются его комментарии к сочинениям Теренция. Автор демонстрирует, как именно гуманист дополнил идеи позднеантичного риторика Элия Доната, также анализировавшего тексты римского драматурга в контексте христианской мысли. В частности, автор рассматривает представления Меланхтона о драматических жанрах, комедии и трагедии, которые несколько отличались от понимания Доната, но отражали представления Аристотеля. При некоторых внутренних противоречиях и отдельных сложностях в согласовании языческих комедий с христианской идеей тексты Меланхтона следует рассматривать как ключевую театральную концепцию эпохи. Именно его труды сформировали представление об идеальном театре, которое нашло последовательное воплощение в протестантской драматургии XVI–XVII вв.

The article discusses the concept of theater and drama of the German humanists of the XV–XVI centuries. The author marks out the main stages of development of humanistic literature and highlights several key arguments for studying drama and organizing performances that could be found in texts of Christian humanists. Basically, the last were associated with methodology of teaching and moralizing. Both philological and pedagogical arguments, mainly of applied character, considering theater and drama as effective learning tools were reflected in works of Erasmus of Rotterdam, and later become a formula typical for statutes of the Protestant schools. However, it is the didactic concept of theater as a tool of preaching that is of the most importance. The author focuses on Philip Melancthon, a reformer and a humanist, who in his comments on classical theater consistently developed the idea of the interpretation of dramatic texts through the light of Christian ethics and dogmatic. The most precious are his comments on Terence's comedies. The author shows, how the humanist ideas complemented ones of the late classical rhetorician Aelius Donat, who also had analyzed text of Roman comedigraph in the light of Christian thought. In particular, Melancthon's submission of dramatic genres, comedy and tragedy, is studied. It differed from one of Donat and reflected the influence of Aristotle. Despite certain internal contradictions and difficulties in matching pagan comedies with Christianity, his work is to be interpreted as the key theatrical concept of the period. It is the Melancthon's comedies that formed the idea of the perfect theater, which found expression in the consistent Protestant drama of XVI century.

Ключевые слова: Эразм Роттердамский, Филипп Меланхтон, театр, драма, Реформация, Донат, Гораций, Конорад Цельтис, Мартин Лютер, комедия, трагедия.

Keywords: Erasmus of Rotterdam, Philip Melancthon, theater, drama, Reformation, Donat, Horace, Tseltsis Conrad, Martin Luther, comedy, tragedy.

Благодарность. Статья написана в рамках проекта РГНФ «Печать и коммуникативные практики конфессиональной эпохи: Центральная Европа и Прибалтика» № 15-31-01009

Acknowledgement. The article is written within the project of the Russian Humanitarian Scientific Foundation "Printing and Communicative Practices of Confessional Era: Central Europe and the Baltic States" (No. 15-31-01009)

Период 1450–1490 гг. – этап формирования гуманистической педагогики в немецком регионе, когда отдельные «поэты» в своей издательской и преподавательской деятельности отстаивали необходимость изучения гуманитарных дисциплин – истории, поэзии, риторики. В числе издающихся с 1470-х гг. учебников, хрестоматий и грамматик латинского языка не последнее место занимали произведения греческих и римских драматургов, особенно Теренция, Плавта, Аристофана и Менандра. Эти тексты, в общем известные и в Средние века¹, получили

¹ Теренций, Плавт (восемь комедий и также приписываемые ему позднеантичные подражания) и Менандр (в латинских переводах) были в той или иной мере известны и в период Средневековья. Теренций наряду с Саллюстием, Цицероном и Вергилием входил в программы квадривиума.

небывало распространение и, что еще важнее, новое восприятие. В конце XV в. Иоганн Рейхлин написал и осуществил постановки первых неолатинских произведений – сатирических драм «Сергий» (1496) и «Хенно» (1497). Через несколько десятилетий как неолатинская, так и национальная драматургия получит стремительное развитие. Тогда как декламационные и сценические практики – обязательный элемент в гуманистической педагогике, отраженный в многочисленных школьных уставах раннего Нового времени. В данном кратком обзоре мы подробнее рассмотрим основные тезисы гуманистов относительно ценности театральных практик в образовании.

Начать обзор необходимо с оговорки, что, несмотря на то, что гуманисты заново возродили именно сценический аспект классической драматургии, раскрыв декламационный потенциал текста, они еще не до конца осознали специфику произведений, написанных для инсценировки. Под спектаклем гуманисты достаточно часто подразумевали лишь декламацию, а к числу драматургических жанров относили диалог. Так, например, Эразм Роттердамский включил в сборник «Colloquies» 1518 г. отрывки из драматургических текстов и диалогов [1, p. 102–114]. Собственные пьесы гуманистов были весьма несовершенны и тяготели к длинным повествовательным монологам. Из этого следует внимание в гуманистических аргументах в первую очередь к драматургическим текстам, и лишь во вторую – к практике постановок. Сами аргументы в пользу театра и драмы как элементов и инструментов образования можно условно обозначить как филологический, педагогический и дидактический.

Важнейшим аргументом, доказывающим уместность изучения греческих и римских литераторов для гуманистов, было значение драматургии как языкового пособия. Будучи привлеченными стилистическим совершенством греческой и римской драматургии, передающих разговорные, «живые» языковые формулы, гуманисты именно на них основали свою методику изучения языков. Заметим, что уже для Иеронима филологическая польза оправдывала для христиан знакомство с языческими текстами, поскольку без знания латыни те не смогли бы читать Св. Писание, как он написал в письме к Павлину Ноланскому (Hier. Epist. 53). Мысль гуманистов в целом можно свести к емкой формуле Эразма Роттердамского «Без Теренция не стать латинистом» [2, p. 402]. Характерным свидетельством о распространенности этого тезиса являются высказывания Мартина Лютера относительно пользы школьных постановок, которые, в первую очередь, являются упражнением в латинском языке [цит. по: 3, s. 19]. В формулировках его последователя Филиппа Меланхтона, знатока древних языков, талантливого риторика и педагога, изучение и декламация текстов Теренция и Плавта входит в программу средних и высших протестантских школ.¹ О значимости этого инструмента изучения латыни свидетельствует продолжительная полемика, разразившаяся во второй половине XVI–XVII вв., относительно целесообразности сочинения и постановок драматических произведений на национальных языках. С таким осуждением со стороны латинистов, например, столкнулся ульмский педагог и драматург Мартин Балтик, автор трагедии «Иосиф» 1579 г., написанной в народной стилистике. Совет гимназии 1585 г. запретил постановку спектаклей на немецком языке в пользу латинской и неолатинской драматургии [5, s. 164–165].

Вторым значимым аргументом является идея об эффективности обучения через «игру». В ее основе лежит принцип «то, что зритель воспринимает только слухом, потрясает его меньше, чем то, что он видит», почерпнутый гуманистами у Горация (Hor. de Art. Poet.). Римский автор, безусловно, рассматривал театр как дидактический институт. Продолжая его идеи, гуманисты говорят о театре как «лекарстве поневоле»: под видом развлечения зрителям и особенно актерам преподносятся множество полезных мыслей и умений: Рудольф Гвалтер в этом смысле называет театральные постановки «сладкой микстурой» [6, s. 14]. Ректор гимназии в Бреслау во второй половине XVII в. Бригер Петр Винсентий в своей переписке указывал, что ученики воспринимают постановки как удовольствие и награду и, таким образом, учатся через текст без принуждения [7, s. 199]. Швейцарский педагог Вильгельм Гнафей, вскользь упоминает,

¹ В основе школьной программы в лютеранских землях была предложенная Меланхтоном в «Инструкции визитаторам Саксонского курфюршества» 1528 г. модель. Гуманист включил в программу второго класса изучение Теренция – по 10 стихов в день ежедневно, после чего ученики могли обратиться к Плавту. Вероятно, реальное обращение к комедиографу предполагалось лишь для подготовленных учеников – из числа городского патрициата [5, s. 125–130]. Основанные на этом прототипе школьные уставы повторяют эти принципы с некоторыми вариациями (установления Саксонии (1528), Гамбурга (1529), Виттенберга (1533), Франкфурта-на-Майне (1537 и 1579), Страсбурга (1538), Дюссельдорфа (1545), Гольдберга (1546), Магдебурга (1553), Аугсбурга (1553), Бреслау (1570), Майсена (1580) и др.).

что он ставил со своими учениками комедии Теренция и Аристофана до тех пор, пока они не стали бегло владеть языком и достойно держаться на людях [8, с. 6]. Таким образом, практики декламаций и постановок – эффективная методология работы с собственно драматургическими текстами. Однако полезное содержание произведений, по их мнению, не исчерпывалось тренировкой памяти и риторического мастерства.

Драматургию и театр гуманисты рассматривали, следуя за Цицероном, как «имитацию жизни, зеркало обычая и образ правды» (Cic. De orat. II, 82, ср.: Quint. Inst. orat. 3.8.1–6). Так, например, в «Искусстве стихосложения» (1486) Кондрад Цельтис напишет, что драматургия призвана воспламенять к достойному и внушать страх порока [9, р. 29]. В обращении к студентам Ингольштада 1492 г. «архигуманист» подчеркнул дидактическое значение театра, который дает пример юношеству, обучает основам управления государством, красноречию, искусству убеждения и т.д. [цит. по: 10, с. 3-4]. Эразм Роттердамский в предисловии к сборнику диалогов «Colloquies» 1518 г. указал, что драматургия приводит юношей к «более полезным наукам: поэзии, риторике, физике, этике и, наконец, к христианской морали» [11, р. 633]. Последнее для нас особенно важно и, пожалуй, наименее понятно: ведь «архигуманист» говорил не о нелатинских произведениях, часто написанных на библейские сюжеты, но о текстах языческих авторов, повествующих, как это сформулировал Исидор Севильский, о бесчестии дев и распутстве блудниц (Isid. Etymol., XVIII, 46). На воззрение христианского гуманиста, очевидно, оказал влияние заново обретенный автор поздней античности, который первый в период христианских споров о ценности античной культуры попробовал примирить языческую этику с христианской теологией. Речь идет о комментариях ритора и грамматика IV в. Элия Доната на произведения Теренция.

Суть концепции Доната можно свести к попытке выделить в комедиях Теренция некое универсальное этическое наизидание. Античные авторы «прозревали» Божественную истину, и их тексты поэтому содержат много полезного для христиан, согласующегося с заповедями. Иными словами, Донат последовательно интерпретировал героев Теренция и их судьбы как примеры положительных и негативных моделей общественного поведения. Первым, соответственно, христианин должен следовать, а вторые – избегать [12, р. 21-22]. Комментарий Доната не был полностью забыт на протяжении Средних веков: в частности, считается, что под его влиянием свою религиозную драматургию в стилистике Теренция написала монахиня Гросвита Гандерсгеймская XII в. Однако ее священная драматургия была вырвана из контекста становления средневекового театра. Равным образом, и комментарий Доната не имел широкого распространения до первой половины XV в., когда рукопись была обнаружена Джованни Ариспой в библиотеках Майнца и опубликована в 1433 г. Начиная с этого времени в гуманистических трудах последовательно развивается представление о возможности прочтения классических трудов с точки зрения христианской морали. Указания на Доната содержались уже в трудах Энео Сильвио Пикколомини. О широком распространении комментария говорит то, что тридцать восемь из ста изданий Теренция 1474–1495 гг. сопровождалось комментарием раннехристианского автора. Весьма характерно, что и собрание работ Гросвиты, опубликованное Конрадом Цельтисом в 1501 г., также, наконец, нашло своего читателя и оказало непосредственное влияние на становление дидактической драмы в литературе гуманизма и барокко.

Важнейшим автором, популяризовавшим и развившим концепцию Доната, был Филипп Меланхтон. С юности знакомый с классическим театром (подростком он участвовал в постановке «Хенно» Иоганна Рейхлина) и способствующий, как мы указывали выше, его широкому распространению, он последовательно развивал идеи христианского ритора. Теории драматургии и театра Меланхтон касается, во-первых, в лекциях и комментариях на сочинения древних авторов, из которых наиболее значимы его предисловия к изданиям Теренция 1518 г. и 1545 г., и, во-вторых, в многочисленных произведениях о риторике и дидактическом значении литературы. Как представляется, его воззрения на театр оказали необычайное сильное влияние на современников, воспринятое во всех основных профессиональных традициях XVI–XVII вв. как составляющая педагогического и риторического наследия Меланхтона. Заметим, однако, что Меланхтон как теоретик театра не выходит за рамки гуманистического дискурса: он говорит преимущественно о текстах и подразумевает только классическую традицию, тогда как его высказывания относительно средневекового театра скупы и сдержанны.

Итак, классическая драматургия, по Меланхтону, являет собой кладезь примеров (exemplae) отрицательного и положительного поведения, а также социальных типов, которые ставят читателя и зрителя перед проблемой нравственного выбора между добром и злом. В этом смысле для него очевидна нравственная польза от чтения классических драм, на которую он указывает «варварам» – схоластам и реформатам, отрицавшим допустимость обращения к этим текстам по причине их неприличного содержания. В прологе к комментарию «Евнуха» Теренция Меланхтон обозначает две группы «варваров», которые выступают против практики таких постановок: это схоластики и пиетистские реформаторы. Он определяет эту комедию как

дающую «замечательные указания для образа жизни». Вероятно, вслед за гуманистом Лютер повторяет в «Застольных беседах»: если признать непристойность древних, то следует признать и непристойность Библии [13, s. 430-431]. Цель театра и драматургии, по Меланхтону, не в чувственном удовольствии, но в воспитании примером и научении жизни [14, sp. 567-572; 15, sp. 681-695]. При анализе отдельных сочинений Теренция и других авторов Меланхтон выявляет теологическую проблематику (*loci communes theologi*). Примером может послужить его интерпретация «Вакханок» как предупреждения против греха наглой заносчивости. Однако отдельные частные примеры не столь принципиальны: важна лишь общая тенденция к «христианизации» античного материала. Прочитанная таким образом классическая драматургия формировала тот теоретический идеал, на который могли опираться современные литераторы в своем творчестве [16].

Необходимо сказать несколько слов и о системе драматических жанров, в рамках которых давались различные дидактические уроки. Преставление о жанрах комедии и трагедии в Средние века и Возрождение базировалось в основном на двух интерпретациях – Евлантия и Аристотеля. Понимание первого достаточно просто: он определяет трагедию как произведение, оканчивающееся катастрофой, и комедию как рассказ о счастливой судьбе (Evanth. *De fab.* IV: 2)). Определение трагедии Аристотелем несколько более конкретно: трагедия должна быть написана высоким стилем и повествовать о деянии царей (Arist. *Poet.* 6–22). По аналогии с этим определением, комедия зачастую трактовалась как история частных лиц со счастливым концом, рассказанная простым слогом. Элий Донат и некоторые его последователи из числа гуманистов ближе к пониманию Евлантия: комедии – в основном положительные дидактические истории, тогда как трагедии являют собой результат нарушения Божественных заповедей и следующей за этим кары. В издании произведений Сенеки 1487 г. Конрад Цельтис поясняет, как трагедии греческого автора иллюстрируют декалог: Фиест был наказан за то, что ел мясо своих детей; от отце- и братоубийства отпугивает судьба Эдипа, от страсти – Медеи [17, s. 12]. Таким образом, трагедия призывает христиан стремиться к воздержанию и самоконтролю, указывая на механизмы Божественного правосудия. Однако весьма характерно, что после осуществления Лоренцой Валлой перевода «Поэтики» Аристотеля на латынь в 1493 г. было последовательно развито его понимание жанров. Филипп Меланхтон как раз следует за определением Аристотеля: комедии описывают частную жизнь, особенно брачную проблематику, тогда как трагедии отражают картины политического устройства. Часто последние заканчиваются катастрофой, поскольку нарушение правителем своих обязанностей и его неверие ведет к отправлению Божественного правосудия [14, sp. 572; 15, sp. 693; 24]. Схожим образом Лютер в «Застольных беседах» описывает комедию как апологию брачных отношений: они рассказывают «об обязанностях родителей и молодых людей, привлекают детей и молодых к браку, когда его время приходит, и [учат] как сохранить его» [18, с. 156]. Помимо двух обозначенных жанров в активном употреблении в XVI в. находились понятия «трагикомедия» и «комитрагедия», судя по всему, синонимичные: по крайней мере, виттенбергский литератор Маттиас Хольцварт использует их в своем «Сауле» как взаимозаменяемые [19, s.12-13]. Содержание этих текстов, как следует из самих понятий, комбинировало частное и политическое назидание. Наконец, порой гуманисты использовали термины, лишённые жанровой специфики («игра», «история», «поэзия»).

Таким образом, дидактический аргумент в пользу античной драматургии, впервые высказанный Элием Донатом, получил у гуманистов дальнейшую разработку. Их внимание к нему, однако, свидетельствует об определенных сложностях, которые возникали при попытке дополнить гражданский дидактизм греко-римской драматургии христианской идеей. Как тонко отмечает американский исследователь А.Дж. Паренте, гладкая в теории концепция Меланхтона «трещит по швам», когда речь заходит об интерпретации отдельных текстов. Попытки «вчитаться» в тексты Теренция или Сенеки христианскую мораль выглядят довольно искусственно и часто просто искажают и сюжет, и смысл того или иного произведения [20, p.22-23]. Безусловно, это было очевидно довольно многим современникам и особенно христианским ригористам: слишком много безнравственных сцен, легковесных сюжетов и языческой религии содержалось в классических текстах. Даже Эразм Роттердамский признавал необходимость цензуры для изучения драматургии со школьниками, предлагая для учебных постановок исключать из текстов наиболее откровенные моменты. Многие современники занимали еще более осторожные позиции.

Неоднозначность дидактического аргумента, в свою очередь, оправдывает то, что во многих гуманистических текстах и особенно в школьных уставах ничего не говорится об этическом значении драмы. Однако связь текстов с различными областями гуманитарного знания, отражение в ней в живой и запоминающейся форме основных проблем этики и философии определило внедрение театра в образовательную систему, издание классических произведений, осу-

ществование переводов на немецкий язык, создание гуманистами оригинальных текстов и, наконец, практику публичных постановок и ученических декламаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Dietl C. Neo-latin and Protestant drama in Germany // *Neo-Latin drama: forms, functions, receptions* / Ed. by J. Bloemendal, P. J. Ford. Hildesheim; New York: Olms, 2008. P. 103–185.
2. *Opus Epistolarum Erasmi Roterodami* / Per P. S. Allen, M. A., D. Litt. Oxonii: Clarendon, 1934. Vol. 9. 497 p.
3. Holstein H. *Die Reformation im Spiegelbild der dramatischen Literatur des 16. Jahrhunderts*. Halle: Berein für Reformationsgeschichte, 1886. 289 s.
4. Unterricht der Wisitatoren, an die Pfarrherrn im Kurfürstenthum zu Sachsen // *Philipp Melanchthon's Werke in einer auf den allgemeinen Gebrauch berchneten Auswahl* / Hrsg. von F. A. Koethe. Leipzig: F. U. Brockhaus, 1829. T. 3. S. 125–130.
5. Metz D. *Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter*. Köln: Böhlau Verlag, 2013. 906 s.
6. Rodolf Gwalthers "Nabal": Ein Zürcher Drama aus dem 16. Jahrhundert / Hrsg. u. übers.von S. Giovanoli. Bonn: Bouvier, 1979. 347 s.
7. *Die evangelischen Schulordnungen des sechszehnten Jahrhunderts* / Hrsg. von R. Vormbaum. Gütersloh: Bertelsmann, 1860. Bd 1. 775 s.
8. Georg Binder. *Acolastus: Ein Comoedia von dem verlorenen Sun / Luc. am 15. vertütscht* [durch Georg Binder, frei nach der lateinischen Vorlage von Wilhelm Gnaphaeus] unnd gehalten zuo Zürich im Jar M.D.XXXV. Zürich: Christoffel Froschouer, 1536. 109 s.
9. Konrad Celtis. *Ars versificandi [et] carminum Conradi Celtis Protucii poete laureati*. Leipzig: Martin Landsberg, um 1494. 48 p.
10. Schütz A. *Die Dramen des Konrad Celtis*. Diss. Wien: s. n., 1948. 249 s.
11. *The Colloquies of Erasmus* / Trans. R. C. Thompson. Chicago: University of Chicago Press, 1965. 662 p.
12. Aeli Donati commentum Terenti. Stutgardiae: B.G. Teubner, 1962. Vol. 1. 547 p.
13. D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Abteilung 2: Tischreden / Hrsg. von J. K. F. Knaake. Weimar: Böhlau, 1912. Bd 1. 714 s.
14. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* / Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil; Reprint. New York: Johnson Reprint, 1963. T. 5. 920 p.
15. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* / Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil; Reprint. New York: Johnson Reprint, 1963. T. 19. 788 p.
16. Лурье З.А. Протестантский театр XVI-XVII вв. как историко-культурный феномен // *Религия. Церковь. Общество* / Под ред. А.М. Прилуцкого. Вып. 2. – СПб.: Скифия-Принт, 2014. – С. 184-205.
17. Der Briefwechsel des Konrad Celtis / Hrsg. von H. Rupprich. München: Beck, 1934. 700 s.
18. Некрасова И.А. Религиозная драма и спектакль XVI–XVII вв. – СПб.: Гиперион, 2013. – 365 с.
19. Mathias Holtzwardt. *Saul: ein schön new Spil von König Saul, unnd dem Hirten Daudid: wie deß Sauls hochmüt und stoltz gerochen, Daudids demütigkeit aber so hoch erhaben worden; durch ein ersamme Burgerschaft der loblichen Statt Basel gespilet, auf den 5. tag Augustmonats Anno 1571*. Basel: s.n., 1571. 98 s.
20. Parente A.J. *Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680*. Leiden: Brill, 1997. 260 p.

REFERENCES

1. Dietl C. Neo-latin and Protestant drama in Germany, *Neo-Latin drama: forms, functions, receptions* (eds. J. Bloemendal, P. J. Ford), Hildesheim; New York: Olms, 2008, pp. 103–185.
2. *Opus Epistolarum Erasmi Roterodami* (eds. P. S. Allen, M. A., D. Litt), Oxonii: Clarendon, 1934, vol. 9, 497 p.
3. Holstein H. *Die Reformation im Spiegelbild der dramatischen Literatur des 16. Jahrhunderts*, Halle: Berein für Reformationsgeschichte, 1886, 289 S.
4. Unterricht der Wisitatoren, an die Pfarrherrn im Kurfürstenthum zu Sachsen, *Philipp Melanchthon's Werke in einer auf den allgemeinen Gebrauch berchneten Auswahl* (ed. F. A. Koethe), Leipzig: F. U. Brockhaus, 1829, vol. 3, Ss. 125–130.
5. Metz D. *Das protestantische Drama: Evangelisches geistliches Theater in der Reformationszeit und im konfessionellen Zeitalter*, Köln: Böhlau Verlag, 2013, 906 S.
6. Rodolf Gwalthers "Nabal": Ein Zürcher Drama aus dem 16. Jahrhundert (eds. S. Giovanoli), Bonn: Bouvier, 1979, 347 S.
7. *Die evangelischen Schulordnungen des sechszehnten Jahrhunderts* (eds. R. Vormbaum), Gütersloh: Bertelsmann, 1860, Bd 1, 775 S.
8. Georg Binder. *Acolastus: Ein Comoedia von dem verlorenen Sun / Luc. am 15. vertütscht* [durch Georg Binder, frei nach der lateinischen Vorlage von Wilhelm Gnaphaeus] unnd gehalten zuo Zürich im Jar M.D.XXXV, Zürich: Christoffel Froschouer, 1536, 109 S.
9. Konrad Celtis. *Ars versificandi [et] carminum Conradi Celtis Protucii poete laureati*, Leipzig: Martin Landsberg, um 1494, 48 p.
10. Schütz A. *Die Dramen des Konrad Celtis*. Diss. Wien: s. n., 1948, 249 S.
11. *The Colloquies of Erasmus* (ed. R. C. Thompson). Chicago: University of Chicago Press, 1965, 662 p.

12. *Aeli Donati commentum Terenti*, Stutgardiae: B. G. Teubner, 1962, vol. 1, 547 p.
13. *D. Martin Luthers Werke: Kritische Gesamtausgabe. Abteilung 2: Tischreden* (ed. J. K. F. Knaake), Weimar: Böhlau, 1912, Bd 1, 714 S.
14. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* (Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil), New York: Johnson Reprint, 1963, vol. 5, 920 p.
15. *Philippi Melanthonis opera quae supersunt omnia* (Ed. C. G. Bretschneider; H. E. Bindseil), New York: Johnson Reprint, 1963, vol. 19, 788 p.
16. Lurie Z. A. Protestantskiy teatr XVI-XVII vv. kak istoriko-kul'turnyy fenomen [Protestant theater of the 16–17th centuries as a historical and cultural phenomenon], *Religiya. Tserkov'. Obshchestvo* (ed. A. M. Prilutskiy), vol. 2, Sankt-Peterburg: Skifiya-Print, 2014, pp. 184-205.
17. *Der Briefwechsel des Konrad Celtis* (ed. H. Rupprich), München: Beck, 1934, 700 S.
18. Nekrasova I. A. *Religioznaya drama i spektakl' XVI–XVII vv.* [Religious drama and performance in the 16–17th centuries], Saint-Petersburg: Giperion, 2013, 365 p.
19. Mathias Holtzwardt. *Saul: ein schön new Spil von Kühig Saul, unnd dem Hirten David: wie deß Sauls hochmut und stoltz gerochen, Davids demütigkeit aber so hoch erhaben worden; durch ein ersamme Burgerschafft der loblichen Statt Basel gespielt, auf den 5. tag Augustmonats Anno 1571*, Basel: s.n., 1571, 98 S.
20. Parente A.J. *Religious Drama and the Humanist Tradition: Christian Theater in Germany and in the Netherlands 1500–1680*, Leiden: Brill, 1997, 260 p.

Информация об авторе

Лурье Зинаида Андреевна, аспирант, кафедра истории средних веков, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
z.lurie@spbu.ru

Получена: 18.05.2016

Для цитирования статьи: Лурье З.А. Театр как образовательный инструмент в гуманистической педагогике XV–XVI вв.. Краснодар: Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Том 8. № 3. Часть 1. с. 53-58.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-53-58.

Information about the author

Zinaida A. Lurie, Postgraduate Student, Department of History of the Middle Ages, Institute of History, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
z.lurie@spbu.ru

Received: 18.05.2016

For article citation: Lurie Z.A., *Teatr kak obrazovatel'nyy instrument v humanisticheskoy pedagogike XV–XVI vv.* [Theater as an educational tool in the humanistic pedagogy of XV-XVI centuries]. Krasnodar. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' = Historical and Social Educational Ideas. 2016. Vol. 8. no. 3. Part. 2. Pp. 53-58.
DOI: 10.17748/2075-9908-2016-8-3/2-53-58. (in Russian)